

Введение иерусалимского устава выражалось (как показывает анализ рукописей РГАДА) не только в тиражировании нового комплекта миней, но и в создании гибридных вариантов. Это было возможно, на наш взгляд, только при двух условиях: 1. престиж нового иерусалимского устава был высок, и необходимость подготовки новых книг на его основе осознавалась, но 2. новый годовой комплект не всегда был в наличии, и редакторам-составителям приходилось приспособлять студийские минеи к месяцеслову иерусалимских на основе «подручного материала», находя некоторые недостающие службы в неизвестных нам источниках.

Из этой достаточно стройной, но преимущественно умозрительной схемы можно сделать только один вывод — история славянской служебной минеи исследована крайне недостаточно, и она может проясниться только в процессе коллективных усилий по ее изучению.

А. А. Турилов

К ИСТОРИИ СТИШНОГО ПРОЛОГА НА РУСИ

К 60-летию Ю. Д. Рыкова

История Стишного пролога на Руси насчитывала ко времени начала работы по составлению Великих Миней Четых (куда он был включен полностью) около полутора столетий. Сборник принадлежит к числу переводов, выполненных южнославянскими книжниками в XIV в., и попал на Русь не ранее последней четверти этого столетия, в эпоху «второго южнославянского влияния»¹. Ранняя (до конца XIV в. у южных славян и до последней четверти XV в. на Руси) история Стишного пролога как календарного сборника в болгарской, сербской и восточнославянской традиции в настоящее время достаточно подробно освещена (при том, что, разумеется, остается целый ряд нерешенных вопросов разной степени сложности) благодаря недавно вышедшему исследованию Г. Петкова². В частности, можно считать установленным, что на Руси получила известность только одна редакция перевода, наиболее распространенная и у южных славян (Тырновская (Т) по терминологии исследователя), хотя в составе отдельных групп списков обнаруживаются различия, восходящие явно к архетипному уровню³.

Древнейший сохранившийся восточнославянский список (и единственный пергаменный) — том на мартовское полугодие (ГИМ. Чудовское собр. № 17) — написан уставом и датируется, скорее всего, самым началом XV столетия⁴ (менее вероятно датировка рубежом XIV—XV в.). Практически современны ему старшие выписки житий и предисловий в составе сборников⁵.

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 5; Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39—43; Фет Е. А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 379.

² Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археология, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000.

³ См.: Там же. С. 143—190, 467—520.

⁴ Подробного описания рукопись не имеет, краткое см.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 12 (датирована концом XIV в.).

⁵ Таковы, к примеру, житие преподобной Феофании (16 декабря) в почти целиком совпадающих по составу пергаменных сборниках рубежа XIV—XV (ГИМ. Чуд. 21) и начала XV (РГАДА. Ф. 357 (Собр. Саровской пустыни), № 2) в. (см.: Творогов О. В. Древнерусские четвы сборники XII—XIV вв. (статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 202, 203. № 13, 18; Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000. С. 261. № 92) и «Предисловие о марте месяце» в бумажном сборнике первой четверти XV в. РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № XII (см.: Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Изд. подг. Е. В. Крушельницкая, Н. Н. Невзорова, Г. М. Прохоров, А. А. Романова, Е. Э. Шевченко. СПб., 2003. С. 185—186, 356—357).

На протяжении XV — первой четверти XVI в. новый календарный сборник получил на Руси достаточно широкую известность. Помимо Чудовского списка (если и не написанного в стенах этой обители, то, во всяком случае, издавна находившегося ней), до наших дней дошли рукописи, созданные для подмосковного Троице-Сергиева, северных Кирилло-Белозерского и Спасо-Каменного, новгородского Спасо-Хутынского, западнорусского Супрасльского и западноукраинского Уневского монастырей⁶. Правда, на этом фоне заметно почти полное отсутствие комплектов или отдельных томов Стишного пролога, связанных с митрополией и кафедральными соборами епархиальных центров⁷, — возможно, в этот период употребление памятника было ограничено по преимуществу монастырским обиходом.

Ко времени составления ВМЧ можно отметить и факт использования памятника (точнее, входящих в него житий и повестей) не только для богослужебных нужд. Между 1516—1522 г. тексты Стишного пролога (при этом, как будет показано ниже, вполне определенной редакции) послужили одним из источников Русского хронографа, созданного, как теперь установлено, в Иосифо-Волоколамском монастыре⁸. Круг проложных сюжетов, включенных в Хронограф, представляет тему самостоятельного исследования: если об использовании в этом всемирно-историческом своде известий житий южнославянских (в первую очередь, болгарских) святых в литературе хорошо известно (хотя их связь именно со Стишным прологом установлена сравнительно недавно)⁹, то такие переводные повести, как «О иверах, како приидоша в богоразумие»¹⁰ или «О Николае мнихе, иже от воин бысть»¹¹, содержащиеся в том же Стишном прологе (соответственно под 27 октября и под 24 декабря), в числе таких источников даже не упоминаются.

Несмотря на то что памятник получил на Руси достаточно широкую известность, он не вытеснил здесь из обращения (в отличие от Болгарии и Сербии) древнейшую редакцию Пролога (так называемую редакцию Константина Мокисийского) и даже далеко не сравнялся с ней (во всяком случае, к началу XVI в.) по числу списков¹². Вероятно, данным обстоятельством объясняется включение в ВМЧ сразу обоих этих сборников — традиционного и сравнительно нового.

⁶ Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. С. 39—44; Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 254—258.

⁷ Можно привести лишь два неявных примера, при этом уже второй четверти XVI в. Первый относится к Новгороду, где на использование Стишного пролога в практике соборного богослужения косвенно может указывать (хотя и не обязательно) факт включения памятника в состав ВМЧ. Второй связан с Луцком, где для кафедрального собора Иоанна Богослова в 1530—1531 г. по повелению епископа Макария был переписан комплект Пролога особой редакции (с сильно расширенной учительной частью) на основе стишной (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 96—98, 101). См.: Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в. С. 255—257, 276.

⁸ См., например: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 157—177.

⁹ См., к примеру: Турилов А. А. К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 20—24.

¹⁰ См.: Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.). С. 476; ср.: ПСРЛ. СПб., 1911 (Репринт: М., 2005). Т. 22. Ч. 1 (Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 г.). С. 266.

¹¹ Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.). С. 160; Ср.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 329.

¹² Достаточно показательны в этом смысле данные «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986. Далее — ПС XV), содержащего сведения о 30 восточнославянских списках Стишного пролога (№ 73, 76, 110, 188, 236—238, 246, 249, 253, 290, 291, 324, 305, 1228, 1230—1239, 2189, 2809, 2970—2972) при 87 нестишного (№ 13, 14, 65, 81, 82, 118, 143, 1191—1197, 1199—1205, 1207—1216, 1223, 1226, 1227, 1229, 2159—2182, 2184—2188, 2937, 2938, 2940, 2941, 2943, 2944, 2946—2948, 2950, 2954, 2955, 2958—2960, 2962—2967, 3419). Соответственно 2 (190, 281) и 29 (8, 44—51, 162—189, 278, 280) номеров содержат Дополнения к ПС XV (М., 1993); подсчеты выполнены с учетом исправления датировок и уточнения содержания. Разница будет еще более значительной, если принять во внимание, что нестишной Пролог представлен полугодовыми томами, а стишной преимущественно трехмесячными. О позднейших русских списках Стишного пролога см. также: Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов / Доклады советской делегации. М., 1983. Табл. 2 (списки сентябрьского полугодия); Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.). С. 138—140, № 94—173.

Практически сразу после появления на Руси Стишной пролог начал дополняться новыми статьями — отсутствовавшими в нем житиями и, главным образом, некалендарными текстами: патериковыми повестями, поучениями и притчами. В этом, несомненно, сказалось влияние многовековой традиции, поскольку уже в домонгольское время Пролог стал восприниматься здесь не только как чисто житийный, но именно как житийно-учительный сборник.

Ранний этап трансформации Стишного пролога на русской почве в житийно-учительный сборник воплощает уже древнейший Чудовской список на март—август¹³, Г. Петковым к исследованию, к сожалению, не привлеченный. Дополнения здесь встречаются лишь под отдельными числами. Это повесть о перенесении мощей Вячеслава Чешского 4 марта (Л. 5г—6а), приписываемые в литературе Клименту Охридскому поучения на предпразднество Благовещения (Л. 33г—34б; нач.: «Да есте ведуше, братие, яко в сий день...») и на сам праздник (Л. 34в—35б; нач.: «Ныне подобно есть, братие, к вам велегласно изреши...»), повесть о войне-таксиоте (Л. 79б—г) и сказание св. Патрикия об огне, исходящем из земли (оба 29 апреля), и, наконец, поучение Ефрема Сирина «о сделовании благих дел» 30 апреля (Л. 81б—г; нач.: «Се время нас приводит на соделование вечные жизни, нерушимые славы...»). Сентябрьский полутом комплекта, аналогичный по характеру дополнений учительными статьями пергаменному Чудовскому (мартовскому), представлен пока списком значительно более позднего времени (первой трети XVI в.) — НБ МГУ. Верецагинское территориальное собр. № 818. Кодекс также не привлек внимания Г. Петкова, но, по счастью, он подробно описан еще четверть века назад¹⁴. Здесь, как и в древнем томе на март—август, бросается в глаза минимальная учительная часть: патериковые повести и поучения тоже даются лишь на отдельные, весьма немногочисленные дни (хотя здесь их и больше)¹⁵, при этом принцип отбора статей (за исключением, быть может, поучений на праздники) явно не прослеживается. Источником всех этих дополнений для обоих полугодных томов была, несомненно, вторая редакция Пролога Константина Мокисийского (достаточно сопоставить набор текстов и их распределение по числам с оглавлением ВМЧ).

Позднейшая русская (в широком смысле слова) рукописная традиция Стишного пролога дает в отношении учительных статей весьма сложную картину. С разной степенью распространения здесь представлены три варианта соединения стишной и нестишной редакций: 1) присоединение к Стишному прологу готовой учительной части из нестишного; 2) присоединение стихов (взятых из стишной редакции или же написанных заново) к нестишному; 3) создание нового набора учительных статей, частично с использованием традиционного.

Первый вариант в наиболее завершенной форме представлен Великими Минеями Четвыми, в которых учительная часть включенных в них стишной и нестишной редакций Пролога совпадает по составу до такой степени, что в томах, изданных в XIX — первой четверти XX в. Археографической комиссией, даются (в случае вторичного помещения текста) лишь инципиты дублирующихся статей. Восприятие ВМЧ исследователями как эталонного памятника оказало безусловное воздействие на их отношении к учительной части Стишного пролога в целом. Молчаливо предполагалось, что

¹³ Список, вероятно, содержит также (судя по наличию житий без стихов) следы дополнения житийной части статьями нестишной редакции (например: 3 марта (Л. 3в—г) — житие мученика Василиска; 4 (Л. 5в—г) — мучеников Исихия и Саврила; 5 (Л. 7г) — Исихия постника; 9 (Л. 12г—13в) — мученика Веспасиана; 10 (Л. 13г—14) — Анастасия патрикия, и т. д.), однако этот вопрос нуждается в специальном исследовании, т. к. по наблюдениям Г. Петкова (*Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове*) подобный процесс наблюдается уже на южнославянской почве.

¹⁴ Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки Московского университета / Сост. Кобяк Н. А., Поздеева И. В. М., 1981. С. 43—55. № 8.

¹⁵ С учетом утрат кодекса (он не имеет начала, текст начинается с чтений 2 сентября; утрачены чтения с конца 26 сентября по конец 4 октября, конец чтения на 30 ноября и начало на 1 декабря) они помещены под 2—6, 8 сентября, 5, 15, 27, 31 октября, 4, 6, 17, 23 ноября, 11, 20, 24, 25 декабря. Кроме того, ряд повестей и поучений помещен в дополнениях (Л. 549—556), но с указанием календарной приуроченности.

ситуация аналогична во всей русской рукописной традиции, и для классификации списков (в том числе автором этих строк) использовались лишь данные житийной части сборника (в первую очередь, южнославянские и отчасти русские жития)¹⁶. С публикацией Г. Петковым сводного указателя к учительской части Стишного пролога¹⁷ (куда не вошли данные ВМЧ) стало ясно, что она обладает значительным классификационным потенциалом, позволяющим существенно уточнить систематизацию на основе житийного материала. Сопоставление Стишного пролога в составе ВМЧ с другими списками памятника убеждает, что присоединение к этому житийному сборнику учительской части, в полном объеме заимствованной из 2-й редакции Пролога Константина Мокисийского, происходило в XV–XVI в. на Руси (и в том числе в Новгороде) неоднократно. Так, например, только на протяжении первой декады марта ВМЧ обнаруживает целый ряд отличий в составе от учительской части Стишного пролога, переписанного в 1478–1479 г. в новгородском Хутыньском монастыре (СПб. РГИА. Ф. 836. Оп. 3. № 3933, 3934, 3935 и 3936¹⁸), которые, прежде всего, могут объясняться варьированием набора статей в положенных в их основу списках нестишной редакции. На то, что ВМЧ не представляют в этом отношении совершенно новой редакции учительской части сборника, указывают более ранние западнорусские списки Стишного пролога (например: Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 100. 1496 г.), почти полностью совпадающие в этом отношении (и на этом календарном отрезке) с ними, а не с хутыньским Прологом (при том, что набор южнославянских и русских житий западнорусского Пролога отличается от совпадающих между собой новгородских)¹⁹.

Второй вариант (состоящий в дополнении житий нестишного Пролога предваряющими их стихами) известен в настоящее время по единственному списку на март–август первой четверти XVI в., по всей вероятности, псковского происхождения (Рим, Папский восточный институт. Слав. 5)²⁰. Стихи, судя по всему, написаны специально для этой цели между рубежом 70–80-х г. XV в. и 10-ми г. XVI в.²¹

Наконец, третий, наиболее радикальный вариант представлен, как и первый, несколькими опытами. Самый ранний из них дошел в комплекте из трех томов (разбит на неравные трети: март–май, июнь–октябрь, ноябрь–февраль), написанных в 1429 г.²² и около этой даты²³ для

¹⁶ Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. С. 39–44; Турилов А. А. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV – первой четверти XVI вв. АКД. М., 1980. С. 8–11 (предложенный здесь принцип деления русских списков Стишного пролога на московскую и новгородскую редакции принят и в книге Г. Петкова); Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI в. С. 254–258; Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи). Табл. 2.

¹⁷ Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.). С. 467–520.

¹⁸ Различия наблюдаются в составе и/или календарной приуроченности чтений 1 (ВМЧ. С. 37–38; Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.). С. 495), 3 (ВМЧ. С. 64–65; Петков. С. 495), 4 (ВМЧ. С. 83–84; Петков. С. 495), 5 (ВМЧ. С. 89–90; Петков. С. 495–496), 6 (ВМЧ. С. 125–126; Петков. С. 496), 7 (ВМЧ. С. 139–140; Петков. С. 496), 8 (ВМЧ. С. 145–146; Петков. С. 496), 9 (ВМЧ. С. 185–186; Петков. С. 496) и 10 (ВМЧ. С. 202–203; Петков. С. 496) марта.

¹⁹ Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV – первой половины XVI в. С. 254–258.

²⁰ Подробное описание рукописи (без определения редакционных особенностей) см.: Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma, 1997 (= *Orientalia Christiana Analecta*. Vol. 255). С. 22–25.

²¹ См.: Турилов А. А. Рец.: Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma, 1997 // Славяноведение. 2002. № 4. С. 117–125; Турилов А. А. К ранней истории общерусского почитания преп. Ефимия Суздальского // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–25.

²² О датировке рукописи см.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 94–95. Ср.: Жуковская Л. П. О якобы датированных списках Стишного пролога XV в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 74–121.

²³ В печатном описании (*Иларий и Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 111) кодекс ошибочно датирован 1469 г. на основании пробы пера, содержащей указанную дату.

Троице-Сергиева монастыря (РГБ. Собр. ТСЛ. № 715, 717, 720); первые два тома написаны одним писцом, который в приписке к № 715 назван мирским человеком Евстафием Шепелем. О составе учительных статей ныне можно судить по росписи, опубликованной Г. Петковым²⁴.

В этой редакции учительные статьи (поучения, патериковые повести и извлечения из пространных житий), по одной на день, при этом не на каждое число месяца. Учительная часть в данном случае явно составлена заново. Хотя в ней активно использован набор некалендарных статей, традиционных для нестишной редакции Пролога (например, патериковые повести), они расположены здесь под другими числами²⁵. Но еще более показательным для датировки данной редакции включение в состав учительной части отрывков аскетических сочинений, пришедших на Русь со «вторым южнославянским влиянием»: аввы Дорофея, Бесед Зосимы о ярости, Исаака Сирина, Никиты Стифата, Симеона Нового Богослова и др.²⁶ Для некоторых текстов (например, Бесед Зосимы) присутствие в составе комплекта 1429 г. является наиболее ранним датированным свидетельством их известности на Руси²⁷.

Позднейшая судьба данной редакции Стишного пролога не изучена, но, во всяком случае, еще один полный (за исключением механических утрат) ее комплект XV в. известен, насколько я мог судить по материалу сентября. Это четыре квартальных тома, переписанные в 1477–1478 г. в Вологде по заказу удельного князя Андрея Васильевича Меньшого для Спасо-Каменного монастыря (РГИА. Ф. 836. Оп. 2. № 1261, 1264, 1267, 1278), которые совпадают с троичными и по набору южнославянских житий²⁸. Другие списки данной редакции (кроме восходящего непосредственно к списку 1429 г. троичного же по происхождению комплекта 1523–1529 г. — РГБ. Ф. 304.1. № 716, 718, 721) пока не выявлены, но можно полагать, что к началу XVI в. она была известна в монастырях Москвы и Подмосковья, например, в Симоновом и Иосифо-Волоколамском. Так, в «Слове о еретиках» полемиста-«нестяжателя» князя-инока Вассиана Патрикеева встречается ссылка на содержащееся в Прологе Симонова монастыря под 19 августа «Слово о златокузнеце, молитвою повелевшем горе низвергнуться в Нил»²⁹. Помещение данного слова под этим числом составляет особенность именно троичной редакции Стишного пролога³⁰. Использование в Русском хронографе повести о крещении Грузии (см. выше) указывает очевидно на то, что данная редакция Пролога была в начале XVI в. и в Иосифо-Волоколамском монастыре, поскольку в новгородских списках этот текст отсутствует³¹.

По крайней мере, еще один опыт создания новой редакции учительной части Стишного пролога был предпринят не позднее середины XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре или в Ростовской епархии, в которую входила обитель. Она известна по списку на декабрь—февраль

²⁴ Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.). С. 467–520.

²⁵ Ср. Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.) (С. 467–520) с росписью патериковых повестей в составе Пролога Константина Мокисийского (Давыдова С. А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 268–280). Уместно также заметить, что учительная часть троичного комплекта Стишного пролога практически не имеет точек соприкосновения и с более поздней особой редакцией нестишного Пролога, составленной на основе так называемой первой и представленной списками (по всей вероятности, псковского происхождения) с рубежа XV–XVI вв. (см.: Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53–70).

²⁶ Перечень авторов (и псевдоэпиграфов), чьи сочинения вошли в состав этой редакции Стишного пролога см.: Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.). С. 102–104.

²⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 17.

²⁸ О наборе южнославянских житий в разных по происхождению восточнославянских комплектах Стишного пролога см.: Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. С. 39–44; Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в. С. 254–258.

²⁹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 273. Примеч. 6.

³⁰ Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.). С. 519.

³¹ Там же. С. 476.

(РНБ. Кир.-Бел. 1/1240), написанному в 1452 г. в стенах этого монастыря повелением игумена Кассиана неким Порфиришском³². Рукопись также не привлечена Г. Петковым к сравнительному исследованию. По набору учительных статей у нее мало точек соприкосновения с обоими (и хутыньским и в составе ВМЧ) новгородскими комплектами. Более сложная картина наблюдается при сопоставлении кирилловского списка с троицкой редакцией Стишного пролога. В них для дополнений явно использован один круг источников (см. выше), но при этом различается распределение по месяцам и числам; полные совпадения довольно редки, например, 22 декабря, когда в обоих случаях помещена повесть «О Редемпте епископе Ферентиистем» из Римского патерика³³. Сопоставим, к примеру, три дня троицкого и кирилловского списков (из начала каждого месяца):

1 декабря. К-Б: Л. 2 об.—6. «Слово о целомудрьней Сусане и о велицем пророце Даниле» (нач.: «Бысть некий мужь живый в Вавилоне, именем Иоаким...»); Л. 6—8. «Слово о Даниле пророце, како богы вавилонския (!) Вила съкруши и змиа умертви» (нач.: «Сии Даниль великы в пророцех наречены и любим бяше вавилоньскими цесари...»)³⁴; Л. 8—8 об. «Слово от патерика о мужи милдостивем» (нач.: В Антиохии Велицей бысть мужь некий, творя милостыня многа...). В *Тр.* читается только этот последний текст³⁵.

2 января (на 1-е в *Тр.* нет чтения). К-Б: Л. 136 об. — 137 об. Чудо св. Сильвестра, папы Римского, «и о прении з жиды» (нач.: «По крещении великаго царя Константина слух бысть всем елиномь и жидомь...»); Л. 137 об. — 139 об. «Слово Евагрия мниха о умилении и о страхе будущих мук и о покаании» (нач.: «Охь, душе, увы, ужико, о горе, съпряжница моя...»). В *Тр.* здесь читается только первый из этих текстов³⁶, второй помещен под 18 июня³⁷.

1 февраля. К-Б: Л. 250 об. — 252 об. «Слово о некоем отроце, гусаре именем» (нач.: «Есть градец мал, отстоящ от Царяграда близ...»)³⁸; *Тр.*: «Слово Ефрема Сирина о суде и о покаании» (нач.: «Послушайте, братие, добраго совета моего...»)³⁹.

Разница в дополнительной части троицкого и кирилло-белозерского Стишных прологов особенно примечательна на фоне тесных связей (и в том числе книжных) обоих монастырей в XV—XVI в. Для внимательного их сопоставления (равно как и для их сопоставления с новгородской редакцией, обладающей «стандартной» по отношению к нестишному Прологу учительной частью), предварительно необходимо составить алфавитный инципитарий, чтобы иметь возможность ориентироваться в вариантах комбинаций размещения одних и тех же слов и поучений.

Учительная часть Стишного пролога (равно как и памятник в целом), безусловно, нуждается в дальнейшем углубленном исследовании, однако даже известные на сегодняшний день факты позволяют с уверенностью говорить, что ее история на протяжении XV—XVI в. в отдельных частях восточнославянского региона была очень сложной и не прямолинейной. Версия, представленная в ВМЧ, является лишь одним из вариантов, занявшим в этой истории центральное место именно в силу включения в этот грандиозный свод.

³² Имя писца скрыто в большой записи числовой тайнописью на л. 359 об.—360 (см.: Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII—XV в. (из архива М. Г. Гальченко) // *Palaeoslavica*. Cambridge (Massachusetts), 2003. Vol. XI. С. 44). Конъектуры к прочтению записи — А. А. Турилова и О. Б. Страховой (Там же. Примеч. 44).

³³ РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 1/1240. Л. 89 об.—90 об.; Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.). С. 484.

³⁴ В новгородских списках Стишного пролога эти тексты даны в обратном порядке под 17 декабря (см.: Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV—XV в.). С. 483).

³⁵ Там же. С. 481.

³⁶ Там же. С. 486.

³⁷ Там же. С. 511. В новгородских списках слово помещено под 1 марта (Там же. С. 495).

³⁸ Помещение здесь этого слова под 1 февраля объясняется, вероятно, тем, что составитель данной редакции как-то соотносил между собой героя сюжета — гусяного пастуха («гусаря»), которого Иоанн Богослов выучил писать иконы, — с мучеником Трифоном, одно из прозвищ которого «гусопаш» или «гусятник».

³⁹ Там же. С. 491.